

Скосы скрижалей

Алексей Величко

Алексей Витальевич Величко

Скосы скрижалей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70235338

SelfPub; 2024

Аннотация

Поэма о высших духовных началах. Читая внимательно, можно отследить несколько сюжетных линий. Древний эпос.

Алексей Величко

Скосы скрижалей

Сей – за себя, искал среди могил,
хотел похоронить дороже, о том руина
тихонечко из образка шептала,
петлею круг – кругом вода, чему учил?
О том прекрасно понимала...
По белокаменной поворотился в отчий
дом дороге, с душой простреленной,
и вот ладонь, мой емь гонитель,
часовни боле нет, и ровен год теперь
о тысяче веков. Ищи меня...
Да будет так, как говоришь,
сие есть мой тебе поклон от верных
верст, немерено числа, дырявят кои
небосклон, давным давно, спокон веков...
Колосс, на абсолютность благолепия
ответ всему, что не подстать и
частью нашей не является, навеки
пасть в чертоги предначертано,
и непременно, зарекаться на мели
не поменёт, хотя бы и в помине же
веретеном или поодле небытия ворот...

Оставив за собой срединный мир,
залы, что в отзвуках шагов легендами
полны, в лучах их рода славы, древлее
дух тех стен, а в них живее лжи,
буравит круговерть во взгляде вековом,
таящем пустоту, запечатлеть торопится
десницу седины, сплела причудливый
узор свой, навечно выдавая мантию
времён, отправился стезю нести к краю
земли, верша попутно правосудие,
по знакам беспрестанно он находит,
на тот ли, на другой ли свет,
стараясь оба обойти, поспеть дабы не
избежать петли, спешит, за тенью боль,
за днём тень, глядишь, вот ровен час,
под сенью вечных дум, властитель как
всегда в своем успехе...

Земля обетованная, чьей сутью было
единенье, смиренье вечного и мирный
твой удел, бездействия счастливого
плененье, в единое мгновенье людей
своих прозрела пытками, мученьем...
А где же судеб суть? Низпослан был
тот адов артефакт, сии в тебя вплелись

аспиды прочно, не оставляя и намёка в светлый путь, топя в надеждах похоти оплоты, даруя для умов извечные ходы, картины памяти, осколками трамплины аллегорий, иносказательных хитросплетение умов, жеманиться со многим вот итог.

По осевой какую сторону не выбери, и по сей день на перекрестии виднеется, как отражение, неусыпно, непременный, в быту эпохами почивший бой, изросший да причуд, со звёздами ведет.

И в ожидании чего то стали выжидать, надеяться на чудо, суды да пересуды, вновь бремя времени безвластно оказалось, доколе на него хоть и не глянь, как в ливни гладь воды – разбившееся блюдо, круги, не зная как им быть, но вот им суть, движение на нет наитием секунд, горазд быть многий ментором, лета желая, алчностью, по циклу вёсна вождедея, прерогатива вспять дни бытия пустить, монументально до седых столпов...

На память все иначе было... Воспоминаний детства не осталось, поделено – забыто. Прожитое в выгребной яме упокоить,

пожитками былого присыпать, к чему
минувшее тревожить, стремление тренировать
осколки памяти, соединять в одном былое,
дабы на деле все в забытом схоронить.
Зачем сей на своих влюбленных наколола
и прозрела нить.

В предраковой час правосудия, полночной,
вернее полуночной мглой, пастырь
в поминовении, умом узривши картины
бытия, где идеал гармонии над всем
и всеми абсолютен, псалтырь, поодле агиос
и кровожад все тропки исходили,
покоятся пононе, зашив в устья панфирь
с миртой...

И в предрасплаты час, начавши судьбы
искушать, дары им грезя предоставить,
ак же доказательство, позднее мглу
с небес убрать, что их усилий многократно
умалил, тепериче в том закуте, где не
перечил, но умалил о преслушании, не может
слыть и речи, в пыли оставив агнцов последних,
в горнило скверны не гнушившись покидать,
без устали, затворник тоесть, псалтырь
перекроил, местами изгоняя мракобесье,
призывами для них он будучи волком,

но то не для кого не сведомо...

Известность в рдениях мирских до пагубы
привратна, тепериче оплот последний и надежда,
предтечей поныне осталось разуму
остатки вособрать, изуверам уподобится,
готовность фанатичностью служить вероучениям,
желание, читая рукописи, запоминая,
выводы стяжать на свои лады, не щадно
истязаясь, от пояса до головы, испещряя
прообразами жития, с пересечением сакральных
предречений.

Закрыв врата, засыпав, опостолов всех
разом усыпив, последнюю возможность под
выход, и вот на выдохах... Под своды тут
один взлететь, последняя надежда на листе
последнем... Прочитать... Схождение в
прообразе древнейшего явления...

Иноки, позабыв на свете обо всём,
наискивать и нарекать в безумцах безо
участи и до ослушников, на причетах в
беспутствах, и обводнить окрест распутства,
на блуднях искровенять сберёгшихся,
гнушаться нечем и подавно, саднить
в безволье наболевшим, отрадой,
замыслом ли, покамест посему отсюда

помыслы сии, да хоть и с сожалением,
к сведению до сюрса сманить начала
знаковых, в ликах застыв, на максимум
защемлены эмоции, кои так или иначе гложат,
по ком впечатаны на масках, теперь
за гордость не претит, тая ещё чуть разум
дремлющий, себя понаганять в себе,
и не дошедши, бросая факел ещё тлеющий,
с тем и внимать суждению животный свой
инстинкт, по допотопности своей дилемма
безуспешная.

Тем паче в ремесле, покудажды в нём
воедином, струиться паутинка мелкая,
букашев паучков повроде, прокладывая,
ноздрями тропинки, глазницы пользуя
хотьбой под лабиринты, в были у лопастей
мельницы водяной, не чаять до беспамятсва
не менее, до хрона ли не боле грезить,
за паузой утопной в мареве иль в скором
злоклучении, за пониманием предельной области,
побыли в заточении краеуголья мегалитов,
громад не сведущих в упрёках, мерно...
Под захождения днём, провидения гуляя
последками... Не придавая значений тому,
их сущность на бликах гнетёт... В лучах

надежд на горизонтах с целин, не было
с благостью рядом наивства, вокруг да
недалече, повыгрубев, почва пожухла
навыпашь, тысячелетиям холода источая.
Узлы исчадят очертаниями, считая ритмику
членов, да кляцание сочленений, в отзвучаях,
подтачивая борозд неусыпный пределов
границ, на вечной плавке процесс
зеркалам да граням отпечатками,
причудливость форм, запараллелен вердиктом
узор вниспосыл, отождествление икон с немим
зла укором, да сравнением на обобщён,
над еже ли смертью финальным посылом полёт,
вообщем и целом, нового подстать ничего...

О том покуда... Где добро, там зависть,
сквозь терни проедает до нутра, и сильные,
частичку магии впитавши от червоточины,
им давшей мысли во слуху, точнее вечный гул,
причуд изменчивые грёзы, привыкши помудрее
пользоваться на усмотренье старших,
на воображении играя молодых, их вечная игра...
Ушли порядки все былые, устои предрассудков,
в миру творенье и в помине, осёдлые
на алтаре другого съели своего,
анахореты кто куда, чуть разум тлеющий тая.

Искусственна их днесь отныне во вселенной,
став одним целым, будто пургой, но смольной,
чёрным по белому, до них теперь ей нет дела,
навек вечные в оазис падать своего мерила,
безвинной кровью призвать из сланца демонов,
стопам их преклоняясь, в миру заполучить
расположение, наследия ключу и тем не менее
мудрости... Бессмысленное в абсолютном...

Плыла, повроде чистый лебедь, побыв у
капельки тлетворной на светоносных крыльях,
где всё наполнено смирением дабы снизойти,
спадали косы в очертаниях прелестного чела,
похожа на цветок, сравнима с тонкою
весенней прозой, что в сокровенном,
чуть более их всех далёк, и не сыскать
былых деньков отнюдь, так было
в иллюзориях внимать происходящему,
и как во сне, так ещё будет...

Весь честный люд, когда томит одна лишь
тягота их естество... Взявшись за руки,
движение вокруг кострища созидать,
с его язычествами уносится в иллюзории,
воспламенеть золой к небесным высям,
деля – делясь частицею душевного покоя,
встречаясь в равенстве с глазу на глаз,

и не тая ни в памяти сколь нужного момента,
мгновением бремени на вдохах – выдохах живя,
за каждодневную их днесь влачить.

Небесную всю манну поперев, реалии теряя
быта, стыдясь в неведении, жалея,
навсегда желая спесью вечного влачения,
за созиданием воздеть там храм,
отгородить дабы от всех, вдыхать
благоволение, мечтами мазаны в огне
и под воду, на панацее в духе ведь
имеет место днесь...

Во свете лунных отблесков, повозле
приозерья, когда вокруг да гладь кругом,
уже не походить им вместе под луною,
ты солнцем просто рядом будь...

Но страстью чувства возгорелись, и полелись
вновь разговоры, диалоги, забыв на свете всё
единым целым, похожи души посплелись,
и уподобившись рассветному лучу,
сквозь крону пробиваясь, щекочет пробуждая
те былинки, какие с ночи обнявшись, стоят,
не отошедши от дремоты, часы минутами
сплетаются, так дни летят, по сторонам
уже не смотрят, все всего вокруг хотят,
хотя б и поразнь, да всё разом,

как будто посходили с разуму, круговерть
дерзаний завертелась, не остановить,
те празднества, на пересечении на каждом
танцы, пьянки, гудежи, стремглав,
сошедшие с пути рассудка, дерутся, выясняют,
любятся, да только старцы, те из немногих,
со склонов былых лет жилого, что почерствее,
прожили кто не сердцем, а душой, скривившись,
затёртые отрезки предречений на бытность
сослагая, своими выводами, хотя б о доводах
при этом радоваться не находя...

Агнец себя забыл, забил, похитил, аз вельзевул,
и епанча его на нем, искру он жизни не сберег,
осунившись, стоя в толпе... Ту, что перед ним
в сенях дерев томила у вековечных крон,
лаская взглядом, попреклонивши к ней колени,
сводил на бытность полотно. Мирские сени
суеты заставили назад сплотившись,
слиться с толпою, страждами, мысли в
кашунстве искажённом, не разумея сумасбродства
произошедшего, не вразумев, могло кабы
личины посменив, за чередой гонений,
толков, дрызг безлётны небеса, все разом
обрекли себя на суд, поныне будто спали,
очерствлены души, терпение влачить давным

подавное устали, в тысячелетиях полёта,
в полымях без устали, на пересчёте двух
морей...

Сильная вспышка небосклон освещает...

Дабы пагубой в мутном угаре, едва ли себя...

Напоминаям... Ни облачка в непроглядном зареве...

Не зги... Смысловые посылы, вот выход
свою участь далече влачить.

Ход полуденным зноем, проложена
выходцами тропа не одна, да боли
знакомо ак же и на утопию схоже,
безучастно, ленно, подворьем, знакомы
да боли врата, простирает могучая ковка
засовов, свой в столетии отполированный диск,
лишь тризной в грёзах мечты пеленая,
не замечая пред собой основного, рдея,
жечь в камфорах свечи, ниспадающий воск,
застыв, напоминаям дабы казал иноковерство
в заветах, грехам, в рождении мученичество
причащая...

Минуло чисел сколь ни весь гоже,
взвесь непомерная всевышнему, не в счёт по
силам посвести, полегши многие костью,
покрыв голгофы беленой, не внемля здравомыслию.
На это их сподвигла днесь, воздаяние за паритет,

наваян тленом бытности. Пустуют на скрижалях
хроники минувшего, заостенел пергамент,
налётом пыли затянулся, истины теперь не добится,
всё как и есть, останется в начертанном...

Проникнувши в светлицы... Свет... Массивами
да стопами портьер. За дуновением пусты пороги,
быльем дороги поросли в забвенном вечном доме...

Курганы... С краев их жития вознесшимися
до окраин, последки судеб в безвыходности
посведши... Небесный небосвод им в царстве
скорби, блюстить поборников не стало,
оставшиеся зенницы очервлены, не песнословят,
разговоры не толкут, кайотам уподобившись,
рыща, бубня на лад обрывки памяти,
оазисы давным давно пожжёны, гнёт колокольни
в обиход, дабы не мёртвых упокоить,
не живых, в смирении пребудущих,
да ещё чуть боле бдительность немногих умалить,
почивших да усопших, стоят, хотя бы
в обиходе бытности низложены, все давеча
колейки хожены, напоминание малым и
старцам иховым, дерев околе стало нехватать,
защитников, теперь бездушных кукол,
на вехах вервием кидает бобыли остовов
тел на ветер, повперившись на воронов,
при царствии капища теней, кто где упокоен,

судьбы промозглой дланью... Твердью млечною
теперь на тиф возложены.

Псалмы читая монотонно, сплелись из
стонов душ в чистилищах, их голоса рассудок
точат неусопно, меняя темп, поодаль,
затихая, разливаясь, отдаваясь сводами,
теряясь в гранях, встречаясь с громогласным
отзвуком органа, в залах сплевшись,
темп бденно, ночью, день ли, стяжательно...
Верховный в боголепии те канонады задаёт,
под неусыпным хора провождением, неустанно,
тоску бескрайнюю наводит, ведомо им,
материя земли как создавалась, так и она...
Стяжательно, сокральные познания...
И не мольба таки да боли им знакомая...
Синхронно, монотонно, то есть уныние,
повроде что то тризны, с поволокой печали
и тоски, молебен полным ходом, на алтаре
все строки прочитав, что более ему дороги,
первороденного младенца подняв за ножку,
им по нутру он чужд... Дабы напоминание о
бытие и жизни пришлой, под неусыпным
хора провождением, но вот в распахнувшихся
залах... Сияние... И на порогах облик девы,
в лучах своим явлением обязана зарнице,

скорее в ореоле благолепия, но случай
к случаю... Молитвы младое сердце
и привили в обитель, за гомоном пред ней
унылая картина, вокруг чащоба траурных
сердец, мышлением сравнимы с бесами,
та у их врат, затворники повперив взглядом
на агницу, на той голубке лазаря запеть
для них парящем, невольну облачая за руки,
и дело не подавно в красоте, над ней
скорее пуща, а сколько душ теперь
загублено числа и счета нет...

Вот выход на погост процессией...
Стяжательно... Стремление не в смысле
слиться, неделимым быть во всей вселенной,
но плотью – кровью, все на тёмном,
за панихидой, в рясах, томно...
Чередом шествие до руин в подворье,
последние заготовленья верша,
возложен хворостом под небеса,
сигул в сожжении, готовность до
скончания за покаяние плату вносить,
свой личный счёт, и по сему возложен
вечный глас на вопиющего...
Ниспосылая молчаньем вердикт,
реликт покамест наливаясь...

Являя в материях руны... Довлеет ад
в возникшем образе... Над чужеродным
тем распятым виднеется грех... Развергся
мрак потусторонний в древних копищах...
Он на помосте... В руинах виден острог...
Светило посередь него покоится... И...
На пустошах, не прекращается гонка стихий...
Подняв босую на руки, увенчана венцом
предвестников, держа в перстах соцветия
их бытия, наставник в скором изречении,
что более мутить о тлен и присно,
до церемонии древлейшей же, хотя бы
и желанной, но тем не менее им
бессмысленно, тем паче эхом до начала
тризны всей округе...
Помыслы не о над ней грядущем действе.
Пребывая в заточении слёзном, чуть видя
пред собою, окропить чрева с дарами
наборов с угодий, о нём ненаглядном
все помыслы, единоутробным мановеньем
мирты от головы и до пят, и вот...
Встречают огненные чресла, о милосердии,
о том не идёт речи более, одним моновеньем
на вдохе... Передаёт в пылающее лоно,
пучине первозданной пламени, с головой
накрыло полохом, на фоне стана

в денницы зареве... Из ада полымя,
простирать бы лишь ладони, анафема
сокрыта в адском хоре, вот рубище на ней
занялось, смешавшись пеклом на челе
от ветоши с потреском, в непроглядном
зареве длань рока по соседству,
не возопить ей тем не менее,
встречает адский хор и уносимый
ветром гомон... За ним лишь стана очертания,
секундою мгновение, за лицами...
Чуть похоти узреть... и с головою
в мир иной без дыма прогляди.

В скитаниях, но будучи иным, утратив
все надежды разом и покой, от летаргии
чуть только отошедши, дар светолепия
приняв за длань как воздаяние,
согнувшись над землей... Пути другой
не стало как и прибежища, того не зная,
собою сами ноги приведут, ответы
предзнаменований в их скоротечности,
на веки вечные их под призором плевелы,
не в силах удержать той неги сыворотку,
в порок досталась мучительным укором,
дыханье пустоты стремглав калейдоскоп
завидев... Иначе падает... Вокруг миры,

пространства, поветрия преданий безучастных,
историй кипы звёздами, но забываются
ментально... И выхода не находя,
осело мантией безвременье... В тех
измерениях, где постоянство непостижимо
умственно, веленье в знаках и предвестиях,
у лучика в крошечной мгле, польётся
тот соцветьями из призмы, себя в печали
утопив... Не зная устали, упрёка и веления,
забыв родные связи, любовь, тепло и радость,
желание оставить в стражде эпитафию...
Миг здесь... Предвестий девы... Фантом под
ряд в готовности... Себя в себе далече
волочить ко дню от дня... По пресловутому
ход далее в полуночи кострищами грядущего...

В краю поднебесной, её или сени,
довлеет стук молота рока о веретёна судьбы,
горн поливает мирриадом осколков и льдин,
сторона где разбилось, разметалось
ненастьем о крайность, рассыпалось
в тлен рукотворство династий круговертью
стихий, пургой сожаления, собою ли,
стужою, собственно, или метелью...
Разнятся пролёты веков, рябью застыли
излёты их граней... Остовы массивов,

в них слёты строений, паря, исчезая
в местах, и вновь выплывая из пелены,
аномальны узоры, по форме всё в преткновениях,
застыв, очертания бурь, поверх,
с жутким воем, в разбегах фасады колонн,
в наложениях, поодаль довлеют карнизы,
качаясь и монотонно, оплоты громадин,
палитры цветов. В непроглядной той мгле
ряды смертной тени, неустанно,
обречены inferнальный исход,
досрочно подписан на крах, извечный влачить.
В забвении почили давно, неупокойны армады,
блистая, в очервлённых полохах,
отзвуки канонадами, отдаваясь, в дальних
чертогах... В её созерцании, с ней рядом...
По допотопности опахалом, покамест с
расщелин кровоизлещит глас колесниц,
материи бишь в её изваяниях...
Теперь всё навсегда отголосками,
и неустанно, барабанят каскадом по
атмосфере, судеб вереницы на копях,
течением ветра порывы не кажут,
в небесном том сумраке хранительница,
навечно, пост к эпилогу неспешно влачит,
судьба разлучница на бесконечность положена
цербером, и знать об этом дозволено лишь

аспидам парящим...

(Поветрия, таинства, знакомства)

Разошлись снегопады да далями зимы,
брошены боры немymi укорами, поодаль
в них ропот безучастным покровом,
тоска белизною да всхожесть безлётная красотой.
Атмосфера узорами, под ними также радение
тщетно... Теперь чередою излучин в изгибах
течения, убожесть дарована именем, в местах
находясь, у прилучины стоя на всхолмиях,
нет мученичеству веры в разодетых камзолах,
блажение пущему вздор... Нуждение по мукам...
Под выход найти из этого просто.
Тщет ожидания мазать золою, чуть пачкая ноги...
На пиках затмение солнца переживать...
Предвестник в финальном промарге,
дарует надежды разящий оплот, он статен
ввиду, стоял здесь когда то...

Ледник со слезы, мощёный на вечном
просчёте, сиянием тлена формами обретён.
С пылью в нём прахи... Лишнего ничего
не выносит, прелестно бы аже проблески
зачатков на стороне артеמיד вовлечён,
владеют инстинктами неустанно, подчас

силой духовной.

С ума ему сразу подвластен аспектом,
хотя бы и поразнь, дано неприязню,
штурвал заблудшей души осязаем, мрак липок
сколь же присутствием ощутим... Моновеньем
о ригель течения, мгновенье об лихо...
Наотмашь... Позднее шкивами на перезвон...
По водам, тянет всегда он ко дну...
Трюм... В толще в нём материк стародавен
как эхом, так и угрюм... Засев, колец
столпотворьем на мель... Гладь поземельная,
обшивки и швы, послания вокруг, страти важно...
Незыблемость искажённых материй,
меж ними видны их карпения, поодле остовов
из круговертей до их же крушений, взвихренья
объёмов, играясь в перехлестьях течений,
сююита их карго, оставшись без станции,
грозою в небесном том рдении, инстанцией
гласит.

Посупясь, томитель обвив,
елижды двуличными облачениями, твердыней,
сушей ли где иже ли небом... Поверьем...
Разбита о быта тлен, доподле известна
десница фрустрацией, дочертит паства
в артерии исстари найденной инсталляцией.

Ввергая гаваням слог, наставлен ими
заветом до слов "эко вон", пока не
иссохнет за эхом наказ... Ни гоже махом
единым, за наказанием, эпиграфом высечен
в диарита скрижалях, горн дельтой,
пергамент постиг по истине грановитые
изречения... Не может быть места рифмосложению...
С ним происки, как и тени сомнения,
но позже об этом... Сокрушение о скорости,
пера мановенья или вёснам, в дальние тёпла
которым проводов нынче без счету корпения...
От сослаганий переходов до строф, возрастается
бурей нелепость абсурда, за ирреальностью
домыслы новых идей, да хоть бы и схожестью,
космогоничностью аномальны, имеют силу
и вес теперь и по сей день...